

Марья Васильевна закатила глаза кверху, приложила руки къ груди и такъ забавно выразила отчаяніе и ужасъ начальницы, что Корневъ разсмѣялся.

— Не было вамъ скучно?—спросила исправница, появляясь въ дверяхъ съ обворожительной улыбкой на губахъ.— Она мастерица занимать,—кивнула она на сестру.

— Михаль Авреліаничъ въ уѣздѣ, недоимокъ много набилось,—сказала она, усаживаясь рядомъ съ сестрою.

Марья Васильевна скорчила гримасу.

— Опять сѣчь будутъ,—замѣтила она вполголоса.

Исправница слегка покраснѣла.

— Ахъ, Маня! Что же станешь дѣлать, если такъ не платятъ?

— Что дѣлать, что дѣлать! Зачѣмъ онъ въ нашей деревнѣ скотъ въ прошломъ году продалъ? Я на него страхъ какъ за это сердита! Тронь-ка онъ ихъ еще разъ!—прибавила она угрожающе.

Исправница покраснѣла еще сильнѣе.

— Ну, ужъ ты, Маня, вѣчно такъ: чѣмъ же онъ виновать? вѣдь и ему за недоимки-то достается,—возразила она раздраженно.

— Ну-да, достается! Ему только выговоръ дадутъ.

Корневъ съ улыбкой смотрѣлъ на Марью Васильевну. Ему нравилась ея горячность.

— Ты думаешь, что Мишѣ пріятно взыскивать недоимки? Жестоко ошибаешься, милая! Ты думаешь, что разъ человѣкъ носить полицейскій мундиръ, такъ ужъ онъ и не человѣкъ?

— Еслибы было непріятно, такъ и не взыскивалъ бы,—возразила Марья Васильевна.

Исправница пожала плечами и взглянула на Корнева, какъ бы прося его извинить сестру.

— Что же ему дѣлать? уйти?

— Разумѣется, уйти.

— А на его мѣсто никого не найдется? и недоимокъ некому взыскивать будетъ?—замѣтила съ ироніей исправница.

— Ну, это мы слышали!—вспыхнула Марья Васильевна:— «не онъ, такъ другой!» Эдакъ мало ли что оправдать можно!

— Мало еще ты на свѣтѣ жила!

Марья Васильевна ничего не отвѣтила и начала нервно перелистывать книгу.

— А право, досадно иногда становится,—обратилась исправница къ Корневу:— видятъ мундиръ, а души подъ мундиромъ не видятъ. Между тѣмъ, что такое мундиръ? Больше ничего, какъ вывѣска.